

Арнольд Гаврон

К вопросу: Владимир Набоков - постмодернизм - третье "расколдование" мира

Studia Rossica Posnaniensia 27, 129-136

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

К ВОПРОСУ: ВЛАДИМИР НАБОКОВ – ПОСТМОДЕРНИЗМ – ТРЕТЬЕ „РАСКОЛДОВАНИЕ” МИРА¹

VLADIMIR NABOKOV – POSTMODERNISM – THE THIRD „DISENCHANTING” OF THE WORLD

АРНОЛЬД ГАВРОН

ABSTRACT. The author of the article briefly characterizes the basic tenets of postmodernism and underlines the role of V. Nabokov in the creation of the movement.

Arnold Gawron, ul. Skotarska 12, 61-696 Poznań, Polska – Poland.

Положения постмодернистской литературы предлагаю засигнализировать в виде следующих, лапидарно сформулированных тезисов:

1. Любые суждения о нелитературной действительности конструируются при такого рода активности познающего субъекта, что их правдивая квалификация в классическом понимании – соответствия с этой действительностью – должна быть определена только негативно, т.е. другими словами, эти суждения в классическом понимании являются всегда фальшивыми;

2. Каждая литература, „стремящаяся” к изображению нелитературной действительности, – это реалистическая литература, при том содержащиеся в ней (resp. предполагаемые ею) суждения, касающиеся той же действительности,

а) не происходят от этой же литературы,

б) согласно I тезису; они никогда не являются истинными суждениями;

3. Учитывая вышеупомянутое, реалистическая литература не способна реализовать ни своей основной цели (оценки нелитера-

---

¹ Я отметил, что указанная аналогия будет касаться прежде всего англоязычного литературного творчества Вл. Набокова, хотя она проявляется также в его более поздних произведениях, написанных на русском языке после эмиграции в США в 1919 году. Но все-таки, подчеркиваю, что это особенно заметно с момента перехода автора *Лолиты* на английский язык, т.е. с публикации в 1941 году *The Real Life of Sebastian Knight*.

турной действительности), ни изображать данную действительность;

4. Литература, которая может еще сохранить свойство правдивости или же дать правильную оценку действительности, – это литература, „направленная” на обследование некоторой особой действительности – реалистической литературной действительности, а обследование сначала должно свестись к

а) „имитации” конвенций, характеризующих данную действительность,

б) такому комментарию этих конвенций, который вскрывает непригодность к отражению, и, впоследствии, к оценке нелитературного мира;

5. Этого рода литературу следует назвать „исчерпанной литературой”, „исчерпанной”, во-первых, потому, что она уже не в состоянии справиться с поставленными перед ней задачами, а, во-вторых, потому, что необходимость „возвращения” к ней является результатом той же ее „исчерпанности”. Употребленное выше „уже” не случайно, оно обозначает, что первоначально не было теоретического повода для того, чтобы о суждениях, касающихся нелитературной действительности, высказывать фальшивость в классическом понимании, и не было повода, чтобы такую фальшивость высказывать о литературе, заключающей (resp. вносящей) эти суждения. И только современность в результате постепенной деструкции позитивистских и неопозитивистских идей создала предпосылки для такого положения, согласно которому анализ суждений о мире в категориях их соответствия или несоответствия с этим миром является весьма проблематичным. Упомянутую деструкцию постмодернизма в значительной степени совершал самостоятельно и первоначально принял ее как аргумент в пользу тезиса о фальшивости суждений о мире. Поэтому из его перспективы – реалистическая литература стала „исчерпанной” литературой, а зато сам постмодернизм – в первой стадии своего развития – стал „литературой исчерпания”. Здесь я отметил „в первой стадии своего развития” потому, что постмодернизм не завершается „литературой исчерпания”, а его более поздние формы отбрасывают тезис о фальшивости суждений в классическом понимании и склоняются к их трактовке как суждений необоснованных, а даже вообще не относящихся к действительности. По-моему, второе, и, возможно, третье из этих решений особенно знаменательно, напр., для литературного дебюта Умберто Эко² и для первой повести Джона Барта³, представляющей собой почти образцово „литературу исчерпания”.

² См.: U. Eco, *Il nome della rosa*, Milan 1987.

³ См.: J. Barth, *The Sot-Weed Factor* (б. м. 1960, 1967).

Далее, переходим к краткой характеристике сходств и различий, связывающих постмодернизм и литературное творчество В. Набокова. Начнем с утверждения, что как в постмодернистских произведениях, так и в произведениях Набокова всегда выступает своеобразное установление представительного пласта сочинения, в результате чего получатель-читатель информируется о том, что он имеет дело с применением определенной литературной конвенции или, по крайней мере, с применением таких или иных литературных „приемов”. Это не должны быть, хотя иногда бывают „присмы”, известные по истории литературы (по этой причине Набоков не находится в кругу „литературы исчерпания”), но литературность этого пласта, как правило, раскрывается. Раскрытие, разумеется, связывает творчество Набокова и постмодернистов, но комментарии к нему не заключаются в указывании неадекватностей в конвенции или в „приемах” по отношению к изображению (и оценке) нелитературной действительности, а заключаются в выявлении их как „игры” творческого писательского воображения. Многие высказывания Набокова на тему соотношения литературы к действительности (у нас – нелитературной действительности) такие, как: „Литература – это вымысел. Фикция есть фикция. Литературную повесть назвать «правдивой повестью» – это значит оскорбить как искусство, так и правду. Каждый великий писатель это великий лгун, так же дело обстоит и с архиплутом – Природой”⁴ (перевод с польск. – А. Г.) или же „Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы избежать роковой ошибки, состоящей в поисках нами в повестях, т.наз., «правдивой жизни»”⁵ (перевод с польск. – А. Г.) – не могут признаваться как критико-литературные комментарии постмодернистского происхождения. Дело не в том, что литературная конвенция никогда не позволяет создавать произведения, заключающие (resp. вносящие) правдивые суждения в классическом понимании, и не в том, что соответствующие суждения не могут быть обоснованными или же вообще нелитературной действительности не касаются, а только в том, что представительный пласт произведения никогда не должен восприниматься как достоверный фрагмент действительности. Не учитывая наиболее крайних концепций из области литературы „фактов”, этот тезис, как кажется, может быть приемлемым всеми теми, кто склонен рассматривать правдивость данного убеждения в контексте других убеждений, создающих систему на той основе, что суждения определяющие представительный пласт произведения, отбираются из других суждений о действительности, к которой данный пласт отно-

⁴ См.: L. Engelking, *Vladimir Nabokov*, Warszawa 1989, с. 108.

⁵ Там же, с. 109.

сится. Таким образом, о тождественности в системе суждений нельзя говорить, как нельзя говорить и о „правдивой жизни” в литературных сочинениях. По нашему мнению, Набокова интересует здесь гораздо большее, а именно то, что само стремление к тождественности выходит за пределы компетенции писателя, которая реализуется лишь только в выявлении упомянутой „игры” творческого писательского воображения. С этой „игрой” согласились бы, пожалуй, и постмодернисты, однако для них она была бы связана, как заявляли, с невозможностью применения всерьез любой реалистической литературной конвенции и эта „игра” сводилась бы только к „имитации” этого рода конвенции (в случае „литературы исчерпания”). Тем временем для Набокова – это главная задача писателя.

Теперь попробуем определить понятие субъектной трактовки культуры, что позволит нам сделать интересный вывод относительно постмодернистской литературы и литературного творчества Вл. Набокова. Сначала определим термин „культура”.

Итак, согласно утверждениям Познаньского культуроведческого центра, культуру можно понимать как (в сокращении): а) состав суждений, определяющих систему целей (ценностей) для реализации и б) состав суждений, устанавливающих способы реализации данных целей (ценностей) путем соответствующей деятельности или же ее продукта. Первые убеждения назовем нормами, вторые же – директивами, одновременно устанавливая, что их совокупность делится на определенные виды, функционально связанные с отдельными типами общественной практики⁶. Так понимаемая культура подразделяется на две разновидности: технико-потребительскую и символическую культуру. Безусловным свойством этой последней является то, что для реализации целей (ценностей), через установленные ею нормы, необходимо осознание (в большей или меньшей степени) получателями данной деятельности или ее продуктов, какие директивы применил субъект деятельности (resp. создатель продукта). В случае технико-потребительской культуры такая необходимость не возникает, хотя возможность существует⁷.

---

⁶ Более близкие замечания на тему понятий культуры, функциональной детерминации, а также общественной практики найдете в работе: *Praktyka społeczna – świadomość społeczna*. В: J. Kmita, *O kulturze symbolicznej*, Warszawa 1982.

⁷ Реализация цели (ценности) такой, напр., как продемонстрирование принадлежности к определенной политической партии, требует несомненно от воспринимающего данную деятельность – знаний, характерных для партии, политических лозунгов. В свою очередь реализация цели (ценности), связанной, напр., с эксплуатацией автомобиля, – знаний, способов его производства (у любого интерпретатора данной деятельности) – не требует. Таким образом, первая деятельность определяется символической культурой, а вторая – технико-потребительской.

Охарактеризовав термин „культура”, попробуем разъяснить понятие ее субъективной трактовки. Для этого возьмем пример из языковой коммуникации и примем, что к отдельным языковым коммуникативным единицам принадлежат (с помощью соответствующих семантических директив) определенные объекты или состояния вещей в виде их семантических предметных отношений. На эти отношения сразу же накладываются некоторые условия, принадлежащие им определенные реляции, особенно одночленные (значения), благодаря чему вообще возможно их формирование. Следовательно, если совокупность семантических директив языка назовем его семантикой, то комплекс суждений, денотирующих данные условия, назовем основной установкой той же семантики. Расширяя этот диагноз также на другие коммуникативные – сферы культуры (искусство, обычаи), можно принять, что каждая из них обладает как своей семантикой, так и системой ее установок (положений). Именно данные положения гарантируют нам коммуникацию, отождествление, денотируемое отдельными, несобственно коммуникативными языковыми единицами, объектов или состояний вещей⁸. Объекты и состояния вещей могут трактоваться субъектно, это значит, что можно указывать на них, ссылаясь на положения семантики в метаязыковом порядке, иначе, представление в метаязыке данных положений. Как мы сказали, культура состоит из комплекса норм и директив и ее предметная трактовка касается всего того, о чем говорится в нормах и директивах, напр., состояния вещей, заключающихся в предпринятии определенных действий или в достижении определенных целей. Пользуясь метафорой, можно сказать, что культура тогда понимается как „видимая” действительность, а не как „ничья” действительность. „Видение” представляют семантические положения в пределах коммуникативных единиц. Но можно ли так толковать всю культуру? По-моему, да, хотя есть причины, по которым технико-потребительская культура оказывает здесь своеобразное „сопротивление”. Не анализируя этих причин, обратим, однако, внимание на следующий факт: явления, констатируемые естествоведением, а денотируемые суждениями, будущими дедуктивными предпосылками директив из области технико-потребительской культуры, обычно не „являются” как „видимые” явления. Правило о наличии повествователя в литературном произведении (одни из „приемов”, употребляемых Набоковым и часто постмодернистами) – это особенный „до-

---

⁸ Для примера, нельзя было бы идентифицировать хотя бы такой объект как телевизор, если бы не принять, что это такое „что-то”, которое обладает такими свойствами, что это „что-то” является физическим объектом и что существуют во вселенной такие вещи как физические объекты и т.д., и т.д.

говор”, результат „видения” литературы в соответствующей культуре, и с этим легче согласиться, чем, напр., такой же „договор”, „видение” действительности, которые представляются как фотосинтез, тоннельный эффект или перигелий Меркурия, посредственно, „видимой” действительностью являются некоторые способы реализации ценностей из технико-потребительской культуры. Однако, в сущности, о чем уже упоминал Флорнан Знанецки, не существуют явления „ничьи”, это значит, что каждое денотируется всегда семантическими директивами, снабженными соответствующим подбором предложений. Проба поиска явлений „ничьих” была бы пробой занятия позиции Бога, принимая, разумеется, что Бог видит их такими, какими они являются в „действительности”. Естественное не представляет здесь никакого исключения, хотя, как показывает его история, в период теоретических переломов оно указывало на субъективную „ориентировку”, интерпретируя отбрасываемые теории как своеобразные способы „видения” явлений в новых теориях. Дотеоретические гуманитарные науки эту „ориентировку” тоже не выявляют, хотя уже в теоретической форме они наиболее предназначены для того, чтобы свой предмет исследования – культуру – представлять субъективно⁹.

Общий вывод здесь будет следующий:

а) постмодернистская трактовка реалистической литературы как на этапе „литературы исчерпания”, так и в более поздних стадиях развития постмодернизма, – это субъектная трактовка. Она усматривает в ней результат применения соответствующих литературных конвенций, которые, по убеждению их сторонников, должны предназначаться для реализации определенных целей, т.е. она указывает на положения семантики термина „реализм”;

б) субъектная трактовка выступает также в творчестве Набокова, которая не касается реализма, а только любой литературы как эффекта „игры” творческого воображения писателя или же выявляет результаты этой „игры” „видящего”, особенно в отношении к представителю пласту произведения.

Пора уж перейти к определению понятия третье „расколдование” мира. Сначала, однако, сделаем несколько замечаний относительно первого и второго „расколдования”, используя диагноз М. Вебера в реинтерпретации А. Палубицкой¹⁰. Примем, что в период доминирования магической культуры предпринимаемая в уре-

⁹ Относительно теоретической стадии развития науки, в том также гуманитарных наук, см.: J. Kmita, *Z problemów epistemologii historycznej*, Warszawa 1980.

¹⁰ См.: A. Pałubicka, *O trzech historycznych odmianach waloryzacji światopoglądowej*, „Studia Metodologiczne” 1985, № 24.

гулированный способ общественная деятельность была „направлена” на реализацию целей (ценностей) одновременно в трех аспектах: а) в технико-потребительском (напр., добыча пищи), б) в коммуникативном (напр., демонстрирование, что я хороший охотник) и в) в мировоззренческом (напр., исполнение божественной воли). Первые, как заметил М. Вебер, обрели „самостоятельность”, а точнее установили мировоззренческие ценности. Предпринимая в общественном масштабе деятельность стала служить для реализации целей (ценностей) в технико-потребительском и коммуникативном аспектах, притом эта реализация должна была гарантировать (или исключать) реализацию „абсолютно” в культуре высших, не подчиненных никаким другим ценностям, – „окончательных” – мировоззренческих. По этому поводу постепенно стали выделяться мировоззренческие системы – в религиозной форме или же потом в форме светско-философской. Это первое „расколдование” мира несомненно функционировало в отношении к сформированной феодальной экономике, которое позже было дополнено вторым „расколдованием” – в отношении к современной капиталистической экономике. Если средневековье, делая заявку на мировоззрение, не требовало (для четкого функционирования экономики) различия деятельности „направленной” на реализацию коммуникативных целей (ценностей) от деятельности „направленной” на реализацию технико-потребительских целей (ценностей), то для выкристаллизованный свободного рынка это различие стало уже необходимым. Поэтому второе „расколдование” мира выразилось в „расслоении” деятельности на такую, исполнение которой устанавливает технико-потребительская культура, и такую, которую устанавливает коммуникативно-символическая культура, причем „окончательные” ценности – мировоззренческие – были „надстроены” над эффектами одной и другой. Одновременно появились следующие, некомуникативные виды символической культуры, также связанные с мировоззренческой сферой. В итоге культура, с такой обязывающей понине ее структурой, поделилась на: а) культуру технико-потребительских ценностей (напр., экономических), б) культуру коммуникативно-символических ценностей (напр., языковых), в) культуру некомуникативно-символических ценностей (напр., научных) и г) культуру мировоззренческих ценностей (напр., религиозных).

Выше мы отмечали, что ни дотеоретические гуманитарные науки, ни естественные (не учитывая теоретических переломных моментов) не склонны представлять констатируемые явления субъектно. Однако это не меняет факта, что в меру своего прогрессирующего развития гуманитарные науки постепенно переходят в тео-

ретическую стадию, а в естественных науках упомянутые переломы совершаются так часто, что трактовка „имеющихся” теорий как чьих-то способов „видения” действительности выступает на повестке дня. Более того, субъективное представление соответствующих явлений, как кажется, все чаще имеет место в политико-юридической практике, а прежде всего – в литературной и еще шире – в художественной практике в большей части общества на Западе. И растущее явление субъективной трактовки действительности, иначе, высказывания о ней в метаязыковом порядке, ссылаясь на положения семантики, денотирующие соответствующие ее фрагменты, предлагаю назвать третьим „расколдованием” мира. В сущности мир „заколдован” и в том значении, что в своей красоте он „представляется” как действительность „ничья”, а „расколдован” который-то раз – потому, что он „представляется” как действительность „видимая”. Вклад постмодернистской литературы и ее великого предшественника Вл. Набокова в процесс этого „расколдования” трудно переоценить.